

**Олимпиада «Покори Воробьевы горы»
2012 – 2013
Заочный тур
Литература
9 класс**

Задание

Прочитайте фрагменты из книг А.М. Ремизова и В.В. Набокова, в которых обсуждается знаменитая пьеса одного из русских классиков. Назовите автора, о котором идет речь, и его произведение.

В приведенных отрывках фамилия писателя заменена словом «автор», название произведения – словом «пьеса», фамилия героя – словом «герой». Все замены выделены курсивом.

Сопоставляя тексты, постарайтесь ответить на предложенные вопросы (рекомендуемый объем ответа на каждый вопрос – 4-6 предложений).

А. М. Ремизов

Пушкин не был бы Пушкиным, если бы ограничились историческим материалом о жизни и трудах Пушкина. Только легенда о Пушкине, как явлении чрезвычайном и «пророческом», созданная (*автором*) и подтвержденная Достоевским, сделала единственное имя – Пушкин.

Творчество (*автора*) представляю себе как ряд беспробудных сновидений с пробуждением во сне. <...> У (*автора*) или сон или наваждение: морок или морока. <...> (*Автор*) видел звуки. И это зрение звуков его выручало. <...> Его работа над словом сделала его единственным в русской литературе.

Пьесу (*пьеса*) – только можно читать, а не смотреть. Скучнее пьесы я не знаю, и пусть комическими положениями сверкает каждая сцена, скуку ничем не разгонишь. <...> Часами готов читать вслух, никогда не соскучусь, но смотреть, как играют на театре...

(*Пьеса*) словесно выражена совершенно: ни прибавить, ни убавить, и свой собственный «(*пьеса*)-ный» ритм.

При игре в театре ритм невольно нарушается от одного уже передыха и игр. А слова – как вообще редко слово звучит! А кроме того актерская повадка, идет от дурных пьес и суфлера, вставляя свои «от себя» слова, или повторение слова там, где значится лишь одно слово.

В (*пьеса*) действуют живые люди. Пусть после смерти все сожжется и останется зола и больше ничего, а имя перейдет в «заупокой» или в хозяйственный перечень «мертвых душ», но все они, пока живы, не воздушные, не заводные куклы, не дрыгающие марионетки.

<... > И с тем же убеждением скажу, (*собирательное собственное сущ. от фамилии героя*) больше на свете, чем это предполагают. И слава Богу, без них заскучаешь и зачахнешь.

(*Герой*) – это сама мечта – чистая мечта, уверенная и несомненная. Не бывшее и невозможное видится как на самом деле, как осязаемая вещь.

И в такой мысленной кутерьме поток слов – слова переговаривают мысль: «словесно все вдруг и для тебя неожиданно». Без языка (*герой*) немислим, но и не всему речистому под язык. <...>

Прием (*автора*): чтобы вывернуть человека, надо поднять температуру, или водкой или страхом. И достигает цели. Но стоит перенести из книги в театр, и все пропало.

В. В. Набоков

(*Автор*) старался всех убедить, будто до 1837 г., то есть до смерти Пушкина, все, что он написал, было сделано под влиянием поэта и по его подсказке. Но, так как творчество (*автора*) разительно отличается от того, что создал Пушкин, а вдобавок последнему хватало своих забот и недосуг было водить пером литературного собрата, сведения, столь охотно сообщаемые (*автором*), вряд ли заслуживают доверия.

Первое представление (*пьесы*) было отвратительным в смысле актерской игры и оформления; (*автор*) чрезвычайно зло отзывался о непристойных париках, шутовских костюмах и грубом переигрывании, которым театр испортил его пьесу.

Сюжет (*пьесы*) так же не имеет значения, как и все сюжеты (*авторских*) произведений. Фамилии, изобретаемые (*автором*), — в сущности клички. ... Сама фамилия (*героя*) гениально придумана, потому что у русского уха она создает ощущение легкости, бездумности, болтовни, свиста тонкой тросточки, шлепанья об стол карт, бахвальства шалопая и удалства покорителя сердец (за вычетом способности довершить и это, и любое другое предприятие).

Когда (*герой*) рассказывает о своих богемных и литературных связях, появляется чертенок, исполняющий роль Пушкина. И пока (*герой*) несется дальше в экстазе вымысла, на сцену, гудя, толпясь и расталкивая друг друга, вылетает целый рой важных персон: министры, графы, князья, генералы, тайные советники, даже тень самого царя и «курьеры, курьеры, курьеры... тридцать пять тысяч одних курьеров», <...> а потом все они разом исчезают в пьяной икоте ...

Потусторонний мир, который словно прорывается сквозь фон пьесы, и есть подлинное царство (*автора*).

Забавно, что эта сновидческая пьеса, этот «государственный призрак» был воспринят как сатира на подлинную жизнь в России. И еще забавнее, что (*автор*), беспомощно пытаясь пресечь опасные, подрывные домыслы о своей пьесе, указал, что в ней уж во всяком случае есть один положительный персонаж: смех. На самом-то деле пьеса вовсе не комедия, так же как сновидческие пьесы Шекспира «Гамлет» или «Лир» не стоит называть трагедиями.

Пьесы (*автора*) — это поэзия в действии, а под поэзией я понимаю тайны иррационального, познаваемые при помощи рациональной речи. Истинная поэзия такого рода вызывает не смех и не слезы, а сияющую улыбку беспредельного удовлетворения, блаженное мурлыканье, и писатель может гордиться собой, если он способен вызвать у своих читателей, или, точнее говоря, у кого-то из своих читателей, такую улыбку и такое мурлыканье.

1. В чем разница интерпретаций обсуждаемого произведения? Какие общие аспекты художественного смысла произведения отражают эти отзывы?
2. Почему с точки зрения авторов театральное воплощение упрощает смысл пьесы?
3. Как можно объяснить присутствие обоим автором восприятие пьесы как «сновидческой»?
4. Как авторы очерков о классике решают проблему его взаимоотношений с Пушкиным?
5. Как в отрывках интерпретируется образ главного героя пьесы?

Ответы на вопросы задания

1. В чем разница интерпретаций обсуждаемого произведения? Какие общие аспекты художественного смысла произведения отражают эти отзывы?

Главное различие двух интерпретаций пьесы Гоголя «Ревизор» заключается в том, что, с точки зрения Ремизова, театральное воплощение упрощает смысл пьесы, а Набоков считает ее «чрезвычайно сценичной» за счет потустороннего, призрачного мира, создающего фон действию.

Оба писателя говорят об особом ритме и поэтичности стиля Гоголя, о полете его фантазии и несметных богатствах слова. Оба называли пьесу «сновидческой» и считали, что Хлестаков – это образное воплощение сочинителя, поскольку персонаж находится «в экстазе вымысла», когда «бывшее и невозможное видится как на самом деле, как осязаемая вещь».

2. Почему с точки зрения авторов театральное воплощение упрощает смысл пьесы?

Ремизов считает, что пьеса «словесно выражена совершенно», а магический эффект ритма Гоголя утрачивается, когда все исполняется в характерной актерской манере и с театральными «спецэффектами». Набоков отмечал, что театральные постановщики, как правило, неверно понимали идею пьесы и называл первое представление комедии «отвратительным в смысле актерской игры и оформления».

3. Как можно объяснить присущее обоим авторам восприятие пьесы как «сновидческой»?

Ремизов представлял все творчество Гоголя «как ряд беспробудных сновидений с пробуждением во сне», не делал исключения и для пьесы «Ревизор». Набоков считал ошибочным восприятие пьесы как «сатиры на подлинную жизнь России», а сравнивал ее со «сновидческими» пьесами Шекспира. Такое восприятие, присущее обоим авторам объясняется их индивидуальным неподдельным интересом к теме сновидений и активным использованием гипнологических приемов в своих художественных практиках.

4. Как авторы очерков о классике решают проблему его взаимоотношений с Пушкиным?

Ремизов считал, что жизнетворческая легенда Пушкина послужила Гоголю образцом для создания своего биографического мифа. Гоголь для поднятия своего литературного авторитета придумал историю о дружбе с поэтом и о «подсказанных» ему сюжетах произведений. Набоков также ставит под сомнение гоголевскую историю о «подсказанных» сюжетах и развивает эту мысль дальше, считая, что Хлестаков воплощает в себе черты и самого Гоголя, рассказывающего о Пушкине.

5. Как в отрывках интерпретируется образ главного героя пьесы?

Ремизов считает, что Хлестаков – мечтатель и фантазер, он воплощает собой образ сочинителя в чистом виде. С его точки зрения, Гоголю удалось изобразить художника в самом творческом процессе, когда «слова переговаривают мысль». Вот почему он считает, что язык Хлестакова – его главный отличительный признак, и сыграть его на сцене невозможно даже самому «речистому» актеру. Набоков также считает Хлестакова генератором неукротимой словесной энергии и подмечает, что даже фамилии героя пьесы передает суть его характера.